

«ЯДЕРНЫЙ» И «РЕВОЛЮЦИОННЫЙ» МОСТЫ ЕВРОПЫ К ИРАНСКОМУ ГАЗУ

Севак Саруханян

Начало переговоров по ядерной проблематике между Ираном и так называемой «евротройкой» в составе Франции, Великобритании и Германии открыло новую возможность для разрешения проблемы иранской ядерной программы. Нахождение компромисса между ЕС и Ираном по ядерной проблематике по представленным «евротройкой» предложениям станет основой для налаживания широких торгово-экономических отношений между Ираном и европейскими странами, что предполагает среди прочего и «превращение Ирана в основного поставщика нефти и газа в Европу». В статье рассматриваются перспективы газового сотрудничества между ЕС и Ираном, а также проблемы газового транзита.

Введение

В 2003г. инспекторы МАГАТЭ обнаружили засекреченную от МАГАТЭ часть иранской ядерной программы, включающей налаживание технологий и производств обогащения урана. Обнаружение засекреченной части иранской ядерной программы стало неожиданностью для большинства тех государств мира, которые на протяжении последнего десятилетия не разделяли опасения США по поводу военного характера ядерных разработок Исламской Республики Иран (ИРИ). В результате проведенных представителями МАГАТЭ инспекций в Иране оказалось, что ИРИ достаточно близко подошла к той технологической черте, за которой уже маячила перспектива появления второй «исламской бомбы».

Последняя, как справедливо заметил президент Института изучения Израиля и Ближнего Востока Е.В.Сатановский, «превратилась в своего рода «святой Грааль», произвольно перемещающийся по Ближнему Востоку вслед за вектором интересов Вашингтона: в Сирию, Иран...» [4, с. 89]. В то же время США не оказывают почти никакого давления на своего союзника – ядерный Пакистан, бывший премьер-министр которого З.А.Бхутто и является автором термина «исламская бомба». Террористические акты, совершенные в июле 2005г. в Лондоне в том числе и выходцами из Пакистана, со всей очевидностью демонстрируют, насколько опасна двойная игра с «исламской бомбой»: нельзя исключать возможности попадания пакистанского ядерного

оружия в руки террористов. К тому же внутривосточная ситуация в Пакистане чревата тем, что в результате очередного переворота к власти могут прийти радикальные исламисты, которых в большом количестве возвращают медресе и университеты южно-азиатского союзника США – Пакистана.

1. ЕС и ядерная программа Ирана

После сделанных инспекторами МАГАТЭ открытий в Иране стало ясно, что появилась реальная необходимость выработки общих усилий ведущих стран мира, направленных на недопущение превращения Ирана в ядерную державу. Трансформация ИРИ в ядерную державу может не просто изменить весь геополитический расклад в регионе так называемого Большого Ближнего Востока, но и стать стимулом к развертыванию соответствующих программ Турции и Саудовской Аравии – конкурентов Ирана за региональное доминирование. Так как ни США, с которыми Иран отказывается вести прямые переговоры, ни Россия, обвиняемая в недобросовестном отношении к проблеме соблюдения Ираном своих обязательств перед Договором о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), не оказались подходящими переговорщиками, функции посредника мирового сообщества были возложены на ЕС. Позицию ЕС по иранской проблематике обязалась представлять так называемая «евротройка» в составе Великобритании, Германии и Франции. Европа в лице «евротройки» начала переговоры с Ираном не только по ядерной проблематике, но по широкому кругу вопросов, которые условно можно разделить на проблемы, волнующие мировое сообщество: это, прежде всего, проблемы нераспространения ядерного оружия, соблюдения прав и свобод человека, свободы СМИ и т.д.; и вопросы, имеющие важнейшее стратегическое значение для самой Европы, а также для ИРИ: налаживание торгово-экономического сотрудничества между ЕС и Ираном как механизм компенсации за отказ Ирана разрабатывать ядерное оружие.

Интенсивное вовлечение ЕС в переговорный процесс по ядерной проблематике у многих создало впечатление о безусловной обеспокоенности ЕС перспективой превращения ИРИ в ядерную державу. Так ли это? Анализ сложившейся ситуации говорит о том, что Европе если и должна волновать иранская бомба, то не так сильно, как это представляют европейские лидеры.

Несмотря на заверения американских политиков и специалистов по вопросам международной и региональной безопасности, Иран все-таки не является страной, готовой прибегнуть к ядерному шантажу, тем более к использованию ядерного оружия. Загнанная американской политикой в тупик страна, стоящая перед угрозой американского вторжения, если и стре-

мится создать ядерное оружие, то делает это в первую очередь для предотвращения возможной агрессии США или какого-либо своего регионального соседа, скажем, того же ядерного Пакистана и Израиля. В сложившихся геополитических условиях, как справедливо отмечает профессор Йельского университета И. Валлерстайн, «только сумасшедший не стал бы разрабатывать ядерное оружие на месте иранского лидера» [3, с. 89].

Страны «евротройки», прежде всего Германия и Франция, безусловно признают, что ИРИ необходимо создать ядерное сдерживающее средство, так как нависшая над этой страной угроза американского вторжения обретает в последнее время довольно реальные очертания. Удастся такая агрессия, США установят контроль над большей частью ближневосточной нефти и газа, а также над важнейшей территорией, не только по своим ресурсам, но и географическому положению – ключевому для многих регионов: Ближнего Востока, Южного Кавказа, Каспийского региона, Южной Азии и всего Персидского залива. В то же время и Германия, и Франция отчетливо понимают, что США приложат максимальные усилия, чтобы не допустить реализации ядерных амбиций Ирана.

Не откажись Иран от этих амбиций, США могут пойти на рискованную военную акцию против ИРИ, на которую они сегодня – в свете осложнений в Ираке – идти не готовы. В более оптимистичном для Ирана сценарии страна подпадет под международные санкции и станет изгоем в мировой политике. ЕС не заинтересован ни в военной акции против ИРИ, ни в дальнейшей блокаде этой страны. Иран – ключевая региональная держава, с имперской политической культурой и соответствующими амбициями. Наличие такого государства, безусловно, поставленного в определенные рамки, достаточно выгодно для Европы, так как оно сдерживает полномасштабную гегемонию США в регионе, прикрывает тыл стремящегося к членству в ЕС Южного Кавказа от полномасштабного американского или исламского вторжения и, как это ни странно, сдерживает исламскую экспансию в регионе в целом. Однако не только политические соображения составляют основной интерес Европы в Иране.

Пакет предложений, представленный ЕС ИРИ взамен отказа последней от создания ядерного топливного цикла, по словам Секретаря Совета безопасности Ирана Х. Роухани, включает в себя признание и гарантирование территориальной целостности и независимости Ирана, включение последнего в ближневосточную региональную систему безопасности, подписание торгового соглашения между ИРИ и ЕС, а также превращение ИРИ в основного поставщика нефти и газа в Европу [8].

Рассматривая проблемы достижения соглашения между ИРИ и ЕС по ядерной проблематике, многие российские авторы – при анализе их влияния на интересы России – исходят из перспектив выталкивания российских ядерных энергетиков с иранского рынка ядерных технологий. И действительно, Иран и Европа более чем положительно смотрят на возможность сотрудничества в области строительства ядерных энергетических реакторов в Иране. С европейской стороны особую заинтересованность проявляет Франция, которая имеет надежды на возвращение в Иран, где до революции 1979г. французы уже успели расчистить и подготовить площадку под строительство АЭС «Ахваз». Иранские власти, в том числе и Секретарь Высшего совета национальной безопасности и главный переговорщик по ядерной проблематике Х.Роухани, неоднократно заявляли о заинтересованности в сотрудничестве с европейскими странами в области строительства ядерных энергетических реакторов. Нельзя сказать, что после революции ИРИ впервые стала призывать европейцев на свой ядерный энергетический рынок. С 1985г. Иран предпринял целый ряд неудавшихся попыток наладить сотрудничество в ядерной области с такими странами, как Германия, Италия, Швейцария, Испания и т.д., – все эти страны под нажимом США отказались от возможных сделок с ИРИ.

Сейчас ситуация радикально изменилась, прежде всего благодаря тому, что США не в состоянии давить на европейцев так же сильно, как они это делали 10-20 лет тому назад. И причина этого не только в усилении ЕС и европейской солидарности. США отчетливо понимают, что Европа сегодня – та единственная сила, которая может убедить ИРИ в прекращении работ по созданию ядерной инфраструктуры, могущей стать основой для создания иранской ядерной бомбы. Европа свое иное, нежели 20 лет тому назад, положение тоже сознает и поэтому целенаправленно «проталкивает» своих ядерных энергетиков в ИРИ. Реализация амбиций Ирана построить 20 энергетических ядерных реакторов может дать европейцам многомиллиардные контракты.

Однако было бы ошибочным считать, что защита корпоративных интересов европейских высокотехнологичных компаний для ЕС в переговорах с ИРИ представляет наибольшую важность. Для ЕС важнейшим является другой вопрос – газовый. Вопрос этот крайне важен и для России.

В своем недавнем интервью российскому журналу «Эксперт» аналитик фонда «Наследие» (*Heritage Foundation*) А.Коэн говорит: «Евросоюз принял стратегическое решение о том, что Европе нужно снижать зависимость от российского газа за счет использования газа иранского, как говорится – из огня да в полымя. Почему лучше зависеть от Тегерана, чем от Москвы, я не по-

нимаю» [1, с. 96]. В Европе все-таки решили, что газовая зависимость от Тегерана не так уж страшна. Безусловно, иранский газ не заменит российский, который уже несколько десятилетий поставляется в Европу. И вопрос тут скорее не в замещении российского газа, а в поиске новых источников, другими словами – речь идет о диверсификации газовых поставок. В течение второй половины 1990-х годов разного рода обсуждения проблем энергетической безопасности Европы привели к заключению, что газовый фактор в обеспечении энергетической безопасности ЕС в первой половине XXI века будет играть решающую роль. Для обоснования этого заключения приведем некоторые цифры.

Сегодня Европа импортирует чуть менее 200 млрд куб. газа в год. Согласно данным ЕС, этот показатель к 2030г. может возрасти в 2,5 раза, а согласно данным Международного Агентства Энергетики (МАЭ) – в три раза [9, р. 67]. Соответственно к 2030г., согласно данным МАЭ, доля африканского газа в потреблении ЕС снизится по сравнению с 2000г. с 33,5% до 28%, норвежского – с 25% до 17%, доля поступающего из России газа может составить не более 33%. Высокий уровень роста потребления газа делает Европу крупнейшим рынком для мировых производителей газа. И рынок этот будет непрерывно расти, в том числе и потому, что газ постепенно будет замещать нефть, запасы которой по сравнению с запасами газа исчерпаемы в недалекой перспективе. В этом свете для ЕС особое значение приобретают два вопроса: откуда и как должно поставляться в Европу необходимое количество энергоносителей, прежде всего газа?

Предполагается, что к 2030г. Россия останется крупнейшим поставщиком газа в Европу. Наряду с Россией газ в Европу будет поставляться из Северной Африки и Норвегии. По данным МАЭ, доля ближневосточного газа, который сегодня в Европу не поставляется, в европейском потреблении к 2030г. должна составить около 17%: данный процентный уровень необходим для покрытия всего потребления. Однако и в случае с Россией, и в случае с Ближним Востоком, прежде всего арабскими монархиями, Европа может столкнуться с некоторыми проблемами, имеющими в первую очередь политический характер. Постараемся обозначить главные из них.

1. **Россия.** – Несмотря на имеющее место в течение последних лет значительное улучшение российско-европейских отношений, Европа не склонна допустить, чтобы Россия стала основным поставщиком газа в ЕС, усматривая в этом для себя определенную политико-экономическую опасность. Кроме того, свободных запасов российского газа явно недостаточно для того, чтобы – даже в случае готовности Европы – покрыть

большую часть европейского потребления. Данный фактор осложняется тем, что в ближайшие годы Россия намерена освоить восточные маршруты экспорта своего газа, в том числе и в Китай, рост потребления в котором будет непрерывно расти, даже более быстрыми темпами, нежели в Европе. Не менее сложной является также ситуация с транзитом газа из России в Европу, так как основные газопроводы проходят по территории Украины и Белоруссии, с которыми у России сложились непростые отношения. «Газовые войны» – сначала между Россией и Белоруссией, а затем между Россией и постсоветской Украиной – свидетельствуют о ненадежности маршрутов поставок российского газа, их зависимости от политических отношений в регионе. Во многом именно политическими соображениями вызвано достигнутое между РФ и Германией соглашение о строительстве газопровода по дну Балтийского моря.

2. **Ближний Восток.** – Война в Ираке показала: у США и ведущих стран Европы разное видение актуальных проблем мировой политики, в том числе и политики энергетической. Взятый США курс на решение любыми средствами своих задач, в число которых входит закрепление США на Ближнем Востоке, предполагает дальнейшее одностороннее усиление позиций США в регионе. Установление на Ближнем Востоке американского нефтегазового диктата представляет угрозу для европейской энергетической безопасности, так как США будут использовать свой контроль над ближневосточными нефтью и газом в целях сохранения господствующего положения в мире и достижения иных политических целей. Кроме того, арабский Восток, и прежде всего Саудовская Аравия, имеют тенденцию к дальнейшей исламизации, которая может еще больше дестабилизировать регион и отрицательно сказаться на экономиках импортеров ближневосточной нефти и газа (сжиженного). И это еще одна явная проблема для ЕС в ее планах по импорту арабского газа.

По-иному обстоит дело с Ираном. Главные преимущества Ирана, по сравнению с его арабскими соседями, – политическая стабильность и самостоятельность, наличие огромных свободных запасов газа, аналогичное европейскому стремление к независимой глобальной энергетической политике. Иран для Европы является уникальной страной-поставщиком хотя бы потому, что эта страна, обладая вторыми по объемам запасами газа в мире, пока этот газ никуда не экспортирует. Газопровод Иран-Армения еще не сдан в эксплуатацию, а газопровод Иран-Пакистан-Индия имеет определенные шансы не реализоваться, в свете особо сильного давления на Пакистан со

стороны его стратегического партнера – США, а также начавшегося в июле 2005г. потепления в американо-индийских¹ отношениях. Кроме того, иранские газовые месторождения, содержащие около 62% всех запасов иранского газа, по сегодняшний день еще не начали осваиваться [11], во многом по причине отсутствия у ИРИ необходимых инвестиционных и технологических возможностей. Для дальнейшего развития газовой отрасли Иран нуждается в огромных иностранных инвестициях и технологиях, которые могут быть предоставлены только западными странами. Политическая обстановка вокруг Ирана для Европы можно сказать подходящая, так как доступ американских конкурентов на иранский рынок априори закрыт, а Россия не имеет столько средств и технологий, чтобы наладить полномасштабную добычу иранского газа. Кроме того, сами иранцы не склонны допускать российские газовые компании на свой рынок, о чем можно судить по неудавшимся попыткам «Газпрома» прийти к конструктивному соглашению с Ираном по месторождению Южный Парс.

Нельзя сказать, что Европа только недавно начала принимать активное участие в проектах освоения иранского газа. Еще в 2002г. в Тегеране был создан Центр энергетического сотрудничества, курирующий совместные проекты иранских и европейских энергетиков, впрочем, не имеющий номинально никакого отношения к принятию стратегических решений со стороны иранского руководства. Сегодня в освоении иранских газовых месторождений принимает активное участие ряд европейских компаний: *Total* и *Petronas* – в освоении 2-й и 3-й, *ENI* – в освоении 4-й и 5-й, *Statoil* – 6-й, 7-й, 8-й очередей месторождения Южный Парс. Однако все совместные ирано-европейские проекты не могут сравниться с тем, сколько инвестиций и технологий сможет вложить в Иран Европа при улучшении ирано-европейских торгово-экономических отношений.

ЕС, вне всякого сомнения, хочет с Ираном договориться как по проблеме ядерной программы, так и по проблемам торгово-экономического сотрудничества. В отличие от США, которые взяли курс на свержение нынешнего иранского режима, ЕС договорится с любым ведущим независимую энергетическую и внешнюю политику Ираном – теократическим, диктаторским или демократическим. Опыт достижения договоренностей с «вражескими» странами у Европы есть. Стоит вспомнить хотя бы то, как ФРГ в свое время договорилась с СССР по вопросам импорта советского газа. А СССР для Западной Европы был реальной, а не как ИРИ, мнимой угрозой.

¹ Примечательно, что в сентябре 2005г. в Совете управляющих МАГАТЭ Индия проголосовала за анти-иранскую резолюцию, чем, по мнению многих индийских политиков, например, бывшего министра иностранных дел и лидера «Бханатия джаната партии» Яшванта Синха, полностью перешла в американский лагерь [5].

Абстрагируясь от стереотипов, созданных в основном антииранской пропагандой США, можно констатировать, что из ближневосточных мусульманских стран именно Иран наиболее близок к нормальному неагрессивному восприятию европейских ценностей. И это относится не только к прогрессивной части иранской интеллигенции, но и к высокопоставленным иранским клерикалам, часто по политическим соображениям использующим в своих проповедях и выступлениях антизападные лозунги. Ресурс дальнейшего укрепления прозападных ценностей в Иране огромен, так как эти ценности распространены в основном среди иранской молодежи, которая составляет около 2/3 населения страны. Наряду с этим, Иран, в отличие от его арабских соседей, уже 26 лет тому назад пережил исламскую революцию и установление теократического режима. Как показала история, радикализма в политике исламского Ирана было не больше, чем в политике его арабских соседей – прежде всего светских саддамовского Ирака и Саудовской Аравии, а также Пакистана. Иранский шиизм был и останется серьезным противовесом, препятствующим полномасштабному распространению суннитского исламского фундаментализма в регионе. Сдерживающая и контролирующая роль шиитского Ирана со временем – с дальнейшим усилением позиций исламского фундаментализма и арабского национализма – будет возрастать. Иранский светский национализм и религиозный радикализм в идеологическом плане исходят из схожего принципа: избранности и особенности Ирана и его веры. Если в случае с национализмом основой утверждения избранности является великое персидское культурное наследие, то в случае с религиозным радикализмом – особый иранский шиитский ислам. Так или иначе, и националистам, и клерикалам Иран видится в сообществе ведущих государств мира, с которыми иранский народ имеет все права и основания сотрудничать. Эти государства – ведущие страны Запада, а не отсталое и в иранском представлении лишенное исторического и культурного наследия (в представлении клерикалов – исповедующее неправильный ислам) арабское и иное мусульманское окружение Ирана. Данное обстоятельство делает еще более аргументированным и оправданным стремление европейцев наладить более дружественные отношения с иранской региональной миниимперией. Представляется, что Европа в чем-то должна быть заинтересована в сохранении нынешнего иранского режима, так как режим этот продемонстрировал достойную уважения политическую жизнестойкость, а также способность более или менее стабильного развития в тяжелых внешнеэкономических и внешнеполитических условиях. А чем стабильнее режим, тем стабильнее пойдет ход реализации энергетических проектов в данной стране. На это, в частности, указывают и американские эксперты [9, р. 4].

Как бы парадоксально это ни звучало, но ядерные амбиции Тегерана могут решить для Европы вопрос о том, откуда получить необходимое количество углеводородов. Уговорив Иран отказаться от военных ядерных разработок, ЕС выторгует себе моральное право на предоставление Ирану компенсаций в виде налаживания торгово-экономического и политического сотрудничества. Не случайна, безусловно, довольно спокойная реакция европейских столиц на избрание в Иране нового президента-консерватора. При нем позиция Ирана по переговорам с «евротройкой» станет более жесткой: Иран будет требовать больших уступок от европейской стороны взамен отказа от реализации проектов по созданию замкнутого ядерного топливного цикла. Эти уступки, вкуче с определенными гарантиями безопасности, ЕС будет предоставлять Ирану с полной готовностью, так как они будут непосредственно касаться проектов сотрудничества в энергетической и политической сферах. Более того, договоренности, достигнутые с новым президентом ИРИ Ахмади Нежадом, пользующимся доверием духовных властей Ирана, будут иметь больше шансов на реализацию: не останутся на бумаге. В случае с Хатами, имевшим разногласия с духовным лидером Ирана аятоллой А.Хаменеи, любые договоренности могли не получить одобрения как Хаменеи, так и надпарламентского и надправительственного Наблюдательского совета, состоящего из 12 аятолл.

Очень важной в свете достижения договоренности ЕС с иранским правительством по газовому вопросу является проблема транзита этого газа. Вопрос этот имеет также важнейшее геополитическое значение.

2. Транзит иранского газа: турецкий маршрут и членство Турции в ЕС

Одной из важнейших проблем геополитики энергоносителей является проблема организации их транзита в страны потребления. Данная проблема весьма актуальна для Европы, потому как основная часть нефти сегодня на европейский рынок поступает с территории нестабильного Ближнего Востока. Закрепление США в данном регионе с помощью военной интервенции в Ирак еще больше осложнило положение Европы, потому что начавшиеся процессы в Ираке непосредственно грозят стабильности Ближнего Востока и Персидского залива.

Однако не менее сложно обстоят дела и с проблемой транспортировки иранского газа в Европу. События последних двух лет могут внести серьезные корректировки в проекты газопроводов из Ирана в Европу. Речь идет о «бархатных революциях» в Грузии и Украине, смене внешнеполитического

курса Молдовы, а также провале референдумов по принятию европейской конституции во Франции и Нидерландах.

Неутверждение Евроконституции во Франции и Нидерландах поставило под сомнение перспективы дальнейшего расширения Европейского союза. Сегодня под вопросом вступление в ЕС государств, членство которых в ЕС казалось довольно реальным на ближайшую перспективу. Однако более всего от «нет» Евроконституции может пострадать Турция, с которой уже год назад начались переговоры об условиях вступления в ЕС. Многие в Европе, и особенно широкие слои общества, выражают непонимание относительно необходимости принятия Турции в ЕС. И действительно, 70-миллионная Турция ни по экономическим, а главное, ни по политико-правовым и культурным критериям не подходит для членства в ЕС. Огромное мусульманское население страны никак не ощущает на себе общеевропейские тенденции сокращения рождаемости и дальнейшей либерализации общественной жизни. По некоторым оценкам, Турция уже через 10 лет может стать самой густонаселенной страной Европы, оставив далеко позади Германию, где количество местных туков тоже растет за счет потоков эмигрантов и высокой рождаемости в местных турецких семьях. Вступление Турции в ЕС откроет ворота Европы для нового потока турецких мигрантов, большая часть которых нахлынет из отсталых и исламизированных окраин страны, что не может отрицательно не сказаться на демографическом и политическом положении Европы. С другой стороны, периодические кризисы, охватывающие экономику Турции, могут и будут влиять на экономическое положение в Европе, на курс европейской валюты, на состояние фондовых рынков и т.д. Совокупность возможных отрицательных последствий евроинтеграции Турции поистине велика, так в чем же целесообразность вступления Турции в сообщество европейских государств? Ответ на данный вопрос постараемся найти именно в русле изучения проблем энергетической безопасности Европы.

Турция соседствует со странами, которые обладают 71,8% мировых запасов газа и 72,2% мировых запасов нефти [10, р. 18]. Нестабильность в Ираке, курдский вопрос, напряженные отношения с Сирией существенно омрачают преимущество географического расположения Турции. Однако с точки зрения Ирана это преимущество все же кажется неоспоримым. Турция является самыми оптимальными воротами для транзита иранского и туркменского (через Иран) газа в Европу. Более того, Турция обладает огромными возможностями для прокачки каспийской нефти (в том числе и казахской) и газа на средиземноморское побережье, доказательством чего могут служить пуск дорогого нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан, а также быстрые тем-

пы строительства газопровода Баку-Эрзерум. Положение Турции — в плане ее транзитных возможностей — уникальное, и, прежде всего, с точки зрения интересов Европы, а не США, для которых по большому счету нет разницы: загружать нефтяные танкеры в средиземноморском порту или же в каком-нибудь ближневосточном. С другой стороны, Европа, в отличие от США, рассматривает Турцию не только с позиций нефтяного транзита, но и транзита газового, для которого маршрут пролегания трубопровода имеет важнейшее значение. Именно уникальное географическое расположение Турции, наряду с необходимостью установления «контроля» над достаточно своеобразной региональной политикой этой страны, а также распространения на эту страну системы общеевропейских «правил игры», делает необходимым, по представлению европейских стратегов, интегрирование Турции в европейские политические структуры, в том числе и ЕС.

Вступление Турции в ЕС не только приблизит границы Европы к иранским границам, но и укрепит позиции самого Ирана в вопросе продажи газа Европе. Иран не склонен рассматривать Турцию в качестве своего независимого посредника в деле продажи газа в Европу, что было продемонстрировано им неоднократно. Стоит вспомнить, например, довольно критичную позицию Ирана относительно проекта «Набугоданоср», предполагающего организацию перепродажи иранского и туркменского газа Турцией в Европу. Давняя конкуренция между Турцией и Ираном за региональное влияние и иные исторические особенности ирано-турецких отношений склоняют Иран к тому, чтобы он имел дело непосредственно с ЕС. Приближение ЕС к иранским границам сулит ИРИ и другие выгоды, касающиеся широких аспектов торгово-экономического сотрудничества.

Неудачи Евроконституции, решение многих европейских столиц вынести вопрос вступления Турции в ЕС на референдум делают перспективы евроинтеграции Турции достаточно сомнительными, что непосредственно бьет по планам ЕС установить прямой энергетический диалог с Ираном. Дальнейшая маргинализация турецкого общества, находящегося вне европейской цивилизации и с каждым годом все более подверженного тенденциям исламизации, может отрицательно сказаться на транзитных перспективах Турции.

3. «Бархатные революции» и новый транзитный маршрут

Однако наряду с уменьшением перспектив вступления Турции в ЕС на протяжении последних двух лет произошло несколько событий, имеющих важнейшее значение для будущего энергетической безопасности Европы, так как они в совокупности могут открыть новый европейский путь к иранским и туркменским энергоносителям. Перечислим эти события:

1. Революция в Грузии и приход к власти прозападного президента;
2. Революция на Украине, приведшая к власти прозападного президента и поставившая под вопрос преобразование трубопроводных систем Украины в совместную российско-украинскую собственность;
3. Смена политического курса молдавского руководства, по своему значению сравнимая с революциями в Грузии и на Украине.

Революции в Грузии и на Украине, резкая смена внешнеполитического курса, проводимого правительством Молдовы, основательным образом изменили политический расклад сил на территории бывшего Советского Союза. Данные революции имеют кроме геополитического еще и важнейшее геоэкономическое значение и непосредственно влияют и на проблемы, затронутые в нашей статье. Изучение географии имевших место на территории постсоветских государств «революций» приводит к интересным заключениям: благодаря им прорезывается новая европейская нетурецкая магистраль к иранской границе. Магистраль эта состоит из следующих звеньев: Молдова-Украина-Грузия. Недостающими звеньями остаются Армения и/или Азербайджан. Долгожданное соглашение по строительству газопровода Иран-Армения, кажется, дает ответ на вопрос, какое именно звено будет использовано для завершения европейско-иранской магистрали. На это, в частности, указывает и выказанная ЕС готовность участвовать в строительстве газопровода Иран-Армения, в особенности, если стороны согласятся удлинить газопровод – пока что до Грузии. Нельзя сказать, что Иран и ЕС только сейчас оценили возможности нового маршрута экспорта иранского газа в Европу. Однако именно сейчас в свете установления в Грузии и на Украине прозападных и антироссийских режимов стала возможной реализация проекта газопровода Иран-Европа, и Россия в новых региональных политических условиях не вполне состоятельна повлиять на позиции Грузии и Украины по данному вопросу.

Особенно интересна политика новых грузинских и украинских властей по вопросам, касающимся транспортировки и покупки иранского газа. В данном вопросе и грузинский лидер М.Саакашвили, и украинский президент В.Ющенко склонны играть скорее проевропейскую игру, заключающуюся в обосновании целесообразности улучшения отношений с Ираном, нежели игру проамериканскую, направленную на дальнейшую блокаду ИРИ. Иран был одной из первых стран, которую посетил новый грузинский президент, хотя с этой страной у Грузии нет ни сухопутной, ни морской границы, ни сколько-нибудь значимых торгово-экономических отношений.

Укажем, что Э.Шеварднадзе ни разу Иран не посетил, несмотря на неоднократные приглашения М.Хатами.

6 июля 2004г. М.Саакашвили прибыл в Тегеран, где провел переговоры с президентом ИРИ М.Хатами и с духовным лидером Ирана А.Хаменеи. Стороны договорились создать ирано-грузинскую комиссию по торгово-экономическому сотрудничеству. По итогам визита президента Грузии в Тегеран грузинский министр энергетики Н.Гиладури заявил, что стороны договорились об условиях транзита иранского газа в Грузию. Министр иностранных дел Грузии С.Зурабишвили в сентябре 2004г. отметила, что Грузии нравится идея строительства газопровода Иран-Армения-Грузия, с перспективой его дальнейшего удлинения [12].

Особенно интенсивно «окно в Иран» прорубает Украина. 24 февраля 2005г. президент Украины В.Ющенко на встрече со спецпредставителем Ирана по вопросам Каспия М.Сафари заявляет о своем скором визите в Иран, во время которого будут обсуждаться вопросы, касающиеся проблем нефтегазового сотрудничества между двумя странами, а также перспектив организации транзита иранского газа [2]. Вся вторая половина 2005г. была отмечена частыми встречами иранских и украинских руководителей, а также заявлениями тогдашнего премьер-министра Украины Ю.Тимошенко о необходимости замещения российского газа иранским. И, наконец, в сентябре 2005г. Ющенко на своей встрече с иранским лидером М.А. Нежадом подтвердил желание своей страны начать газовый диалог с Ираном, а также обсудить перспективы транзита этого газа в Европу через Украину.

Итак, пришедшие к власти – в том числе благодаря финансовой и иной поддержке США – новые власти Грузии и Украины в газовом вопросе проводят далеко не проамериканскую политику, очевидно рассчитывая на финансовую и политическую поддержку ЕС. Такую политику Грузия и Украина ведут, по всей вероятности, не без подсказок из ведущих европейских столиц, неформально закрепленных в качестве требований для интеграции этих постсоветских государств в ЕС.

Европу, скорее всего, проблема диверсификации поставщиков газа в Грузию и Украину мало волнует. Она рассматривает стремление Грузии и Украины сократить газовую зависимость от России в качестве основы для превращения этих стран в газотранзитные. Примечательно, что ЕС, на протяжении последних 10 лет твердящий о необходимости закрытия АЭС в Армении и налаживания производства электроэнергии на ТЭС и ГЭС, в течение последнего года через свои аналитические и иные структуры высказывает мнение о целесообразности строительства в Армении новой АЭС, в 3

раза мощнее уже действующей (речь идет об установлении французского реактора PRW-1300) и способной покрыть значительную часть потребности Армении и Грузии в электроэнергии. Такая позиция ЕС, скорее всего, обусловлена стремлением прокладки газопровода Иран-Европа с минимальным количеством «дырок» в Армении и Грузии.

Выводы

1. Используя проблему ядерной программы Ирана, Европа в лице «евротройки» вступила в переговоры с Ираном по широкому кругу вопросов, из которых для Европы важнейшим является вопрос сотрудничества с Ираном в области газа.
2. Одной из основных причин, подталкивающих ведущие европейские столицы принять Турцию в ЕС, является близкая расположенность этой мусульманской республики к источникам нефти и газа.
3. Провал Евроконституции отдаляет перспективу расширения ЕС, в том числе и перспективу вступления в него Турции. Данное обстоятельство грозит Европе проблемами, связанными с обеспечением ее энергетической безопасности.
4. «Бархатные революции» на постсоветском пространстве открывают для Европы новые возможности по налаживанию поставок иранского газа.

Странным образом в газовом вопросе сегодня интересы США и России совпадают. Реализация проекта газопровода Иран-Армения-Грузия-Украина-Европа может свести на нет политический вес лоббируемых США трубопроводов Баку-Джейхан и Баку-Эрзерум, стать основой усиления позиций Ирана на постсоветском пространстве и в европейской экономике.

Положение России не менее сложное. Было бы ошибкой считать, что газопровод Иран-Европа ударит прежде всего по экономическим интересам России. Урон от газопровода будет в первую очередь политическим, заключающимся, в частности, в окончательной дезинтеграции Грузии и Украины из постсоветского политического пространства, где они вынуждены оставаться ввиду газовой зависимости от России. Но это не означает, что Россия должна встать в жесткую оппозицию проекту газопровода. Политика России по данному вопросу должна быть выстроена грамотно и тонко и исходить из реальности, согласно которой Россия ни политическим, ни иным путем не в состоянии сколь-либо помешать реализации газопроводного проекта, хотя такие попытки и делаются. Речь идет о давлении на Армению, направленном на отказ последней от участия в данном проекте, которое, благодаря

американскому информационному сопровождению в армянских СМИ и выступлениям армянской прозападной оппозиции, становится причиной всплеска антироссийских настроений в обществе.

25 июля 2005г. министр нефти Ирана заявил о том, что Иран и Украина приглашают Россию, Армению и Грузию сформировать ирано-армяно-грузино-российско-украинскую рабочую группу по обсуждению проекта газопровода Иран-Украина [6]. Вариант участия в строительстве и эксплуатации газопровода для России на сегодняшний день самый оптимальный и сможет переориентировать трубу от прохождения по дну Черного моря к прохождению по территории Южного федерального округа России.

Итак, проект газопровода надо рассматривать как реальность и исходить из выстраивания политики согласно этой реальности, а не вопреки ей. Последним более удачно могут заняться США, но тактическое сотрудничество с ними по данному вопросу отрицательно скажется на российско-европейских и российско-иранских отношениях.

Безусловно, существует вероятность того, что строительство газопровода не состоится. Это произойдет в случае, если ИРИ и ЕС не придут к согласию по ядерной проблематике и ряду проблем торгово-экономического сотрудничества. Однако, учитывая взаимную заинтересованность ИРИ и ЕС друг в друге, этот вариант имеет все шансы не реализоваться.

Октябрь, 2005г.

Источники и литература

1. Америка – это национальное государство (Интервью с А.Коэном). Эксперт, №15, 2005.
2. ИА Новости-Украина, 2005.
3. Результат, обратный желаемому (Интервью с И.Валлерстайном). Эксперт, №19, 2005.
4. *Сатановский Е.В.*, Мир после иракской войны. Ядерный контроль, №3 (69), т. 9, 2003.
5. Ядерная Индия: газ Ирана или реакторы Запада? // <http://www.iranatom.ru/news/aeoi/year05/september/contr.htm>
6. Azg Daily. 27 August, 2005.
7. *Hartely P., Medlock K.*, Political and Economic Influences on the Future World Market for Natural Gas. CESP Stanford IIS & Baker Institute, 2005.
8. Iran-Daily. 1 August, 2005.
9. *Muller F.*, Why Iran is Key for Europe's Security of Energy Supply. Iran and Its Neighbors, 2003.

10. *Roberts J.*, The Turkish Gate: Energy Transit And Security Issues. "Turkish Policy Quarterly", Vol. 3, #4, 2004.
11. US International Energy Administration. Iran Country Analysis Brief, 2005// <http://www.eia.doe.gov/emeu/cabs/iran.html>.
12. *Whetton C.*, Global perspectives: Iran back in Europe, 2004//<http://www.isa.org/InTechTemplate.cfm?Section=InTech&template=/ContentManagement/ContentDisplay.cfm&ContentID=38660>.

EUROPE'S «NUCLEAR» AND «REVOLUTIONARY» BRIDGES ACROSS THE IRANIAN GAS

Sevak Sarukhanyan

Resume

The disclosure of secret parts of Iranian nuclear programs in 2003 by IAEA inspectors was the beginning of the negotiations between EU and Iran on nuclear problems aiming to persuade Iran to refuse of further elaboration of nuclear program, which may also have a military character.

It is supposed that the compromises made between IRI and the EU on nuclear problems will make a ground for fence-mending in trade and economic and political cooperation between these two countries. The article is devoted to the perspectives of such cooperation, in particular in the gas field. Special attention is paid to political problems of gas export to Europe as well as the study of the perspective of carrying out two projects of Iranian gas transit through Turkey and the territory of CIS.

One of the main conclusions of the work is that exceptional opportunities are offered for Armenia, Georgia and Ukraine to organize gas transit from IRI to the EU.